

ПОСВЯЩАЕТСЯ СТЕПАНУ
КРУПКО, ПАРТИЗАНУ, ЖИ-
ТЕЛЮ г. ГУРЬЕВСКА.

Для тех, кто
любит поэзию

Н. Писнаев

Летят журавли
Высоко-высоко
И медленно-медленно
Кажется,
Сердце встревожив
Неясной точкой,
А вот улетят
И — уляжутся.
Так провожают
Я близки друзей,
И с радостью той же
Встречаю,
Как с юга летящих
Весной журавлей.
Так же
Души в них не чаю...

Я давно уже
Не был в деревне,
Как сельчане
Теперь живут?
Может быть, по привычке
Древней
Всем там прозвища
Так же дают.
И девчата не в клуб,
А мимо,
К «пяточкам» вечерами идут
И поют под гармонь
О любимом.
С нежной грустью
О счастье поют.
И стоит чуть мать
У ворот
И, как будто
Совсем ненароком,
Ту, что рядышком с сыном
Идет.
Провожает прищуренным
оком.
Говорят старики под окном.
С молодым агрономом
Колхоза
О хороших хлебах
И о том,
Как успеть их убрать
До мороза...
Я хочу, чтобы в каждый
Из дней
Что-то рушилось
И создавалось.
Только так,
Чтоб в деревне моей
Что-нибудь от былого
Осталось.
То, быть может,
О чем я пою.—
Чтобы мне
Иль кому-то другому
Было что-нибудь
В отчем краю
С малолетства до смерти
Знакомо.

Ю. Лапин

С П О Р

О СТАТКИ ОТРЯДА Ефима Соловьева укрылись в глубокой балке, окруженной со всех сторон старыми, замшелыми деревьями. Огромные худатые сосны и пихты, с трудом удерживая в лапах снежные караваны, сурово хранили вековую тайну. Тишина стояла в балке сухая и морозная.

Привалившись спиной к стволу сосны, стоял Сергей Крутов, гряз сапоги и раздумчиво смотрел себе под ноги. Серое, обожженное морозами и ветрами лицо сухо бумнилось, как надрасный наждачной лосовой металл. Поламывало правую коленку, задетую в недавнем бою пулей. Штанна разорвана и видна окровавленная повязка.

На ветках, брошенных на снег, сидели человек десять. Все молчали. Изможденные, уставшие лица в морщинах далеки от настоящего. Некоторые считали сухари. У каждого не более десятка. Это все, что осталось из провизии.

Крутов поднял лицо вверх и увидел клоку хмурого неба. Серое и скучное, оно висело совсем низко и ночью касалось вершин сосен, Крутов отошел от ствола, сделал несколько шагов в сторону сидящих мужчин и заговорил хрипловатым, глухим голосом:

— Понятно, нас потрепали здорово, — он обвел взглядом каждого, кто был перед ним и чуть тише, но резко продолжал. — Ничего не скажешь, потрепали здорово, но нас не сломили. Мы, как никак, — сила. Понятно, надо добираться до Сергеевского хутора. Там мы разведемся жаровой и лошадыми. Там есть наши люди. Оттуда на Гурьевск. Там ждут нас. Ефим хороший был командир. Жаль его, понятно... В трех верстах охотничья сторожка. Изведем хутор и двинемся. Колчак изгоним. Общипывают его со всех сторон...

— Знаешь, Сергей, мы тут иначе двинем. — Это Филипп Кешкин, его односельчанин. Крутов его подначил выкрасить лошадей у богача и убежать в партизаны. Сейчас не смотрит Сергею в глаза. — Пошли мы по домам податься. Жиру подкормить... Разведать, что с нашими... А там... дае видно будет...

Крутов свел губы, черные брови к переносью, удержал в горле бранный крик и тихо вывалил из себя:

— Это... Э-т-то, что ж... Как понимать? Филипп... Да... Ну... П-предательство? — Задохнулся от гнева, прочистил горло кашлем, повторил:

— П-предательство, значит?
— Прости, Сергей. Осточертело. И какая мы сила, к хрену. Жалкая горстка скелетов. Разойдемся по своим деревням, пропагандой займемся за Советскую власть...

— П-пропагандой? За Советскую власть надо драться в кровь драться! Понятно! Крутов отступил назад. Снова онеся спиной о ствол, закрыл глаза, стиснул зубы, чтобы не застонать от обиды, от бессилия, от боли в ноге.

По неподвижным фигурам, по темным лицам Крутов понял, ничем не увлечешь уставших людей, потерявших веру в победу после последнего боя. А Сергеевский хутор — единственная надежда. Только там можно пополниться людьми. И тогда отряд станет боевой единицей. Обязательно надо добраться до Гурьевска. Там ждет Соловьев поторопился. Он, как всегда, надеялся на удачу. Но на этот раз она обернулась другой, темной стороной. Крутов сделал последнюю попытку повести за собой ребят.

— Нас ждут в Гурьевске, — начал он горячо. Но его перебил Филипп.
— Нас ждет три аршина земли.
— Но тебе нельзя возвращаться в село, Филипп!

— Обойдется, как-нибудь... Мы пошли. Советую идти за нами.
— Я остаюсь.
— Снастивно.

Крутов долго и тяжело смотрел в спины уходящих. На этих спинах были изорванные полушубки, Горечь поражения и тоска по родным. Печально замер скрип снега от лимов, трижды подшитых. Сразу же подступила со всех сторон тишина, большая и хрупкая. И чтобы она не расплылась, Крутов осторожно достал из кармана пистолет, вставил в него последнюю обойму и горько подумал: «Вот я и один, как странник. Что делать? Не опускать же руки... Может, зря не подался

В СУРОВЫЕ
ДВАДЦАТЫЕ ...

за ребятами? Отсидеться бы где... Найти бы какой отряд, влиться... Крутов, не раскисай. Тебе Соловьев передал пароль и яку? Передал. Понятно, надо выполнять. Там ждут люди, Идти, идти и еще раз идти. Борьба не кончилась...»

— Борьба! — вслух сказал он, и эхо распласталось, разбилось о стволы на отзвуки и растаяло. Сосна тряхнула вершиной и на плечо мягко упал ком снега. Крутов погладил ствол сосны за дружескую поддержку и стал выбирать из балки вверх. Мысленно он уже видел путь, что ему предстояло одолеть. Пройдет на север километра три-четыре, а там торная дорога. Еще полтора-два десятка километров в Гурьевск. Сосновку надо обойти. Неизвестно, какая там власть, Как бы не влипнуть, понятна.

А боль в ноге становится сильнее и сильнее. Будто кто вспарывает колено...

ЕФИМ СОЛОВЬЕВ пригласил в землянку Крутова, Кошкина и Задорнова, большевика из Анжеро-Судженска. Командир отряда высокий, с широкими прямыми плечами, головой под самый потолок, ходил из угла в угол, сутулясь от размышлений. Широких, как лопата, ладоней он стеснялся и потому всегда держал их за спиной. Ирачный и решительный, Соловьев был любимцем отряда.

Не взглянув на вошедших, он продолжал мерять землянку: четыре шага в один конец, четыре — в другой. Потом остановился у стола, сколоченного из нетесанных широких плах, расстелил потрепанную, наклеенную на ситец, карту, склонился над ней и долго молчал, разглядывая точки и неровные зигзагообразные линии.

— Мы войдем в село на рассвете вот с этой стороны.

Его крупный узловатый палец ткнулся в крохотный кружок.

— Враг считает, что мы вот здесь находимся.

— Но мы здесь и находимся. — удивлен-

но поднял глаза на командира Задорнов. Его лицо с узким подбородком и плоским утиным носом вытнулось, замерло в ожидании ответа.

— Верно. А утром здесь будем. Что получится? А вот что получается: зададим мы им жарку, аж тошно станет. По гроб помнить будут. Главное, не дать им опомниться. Иначе расчешут нас и в хвост, и в гриву. Разбить их — это единственная возможность выйти из-под «дружеской» опеки. Вопросы?!

Соловьев выпрямился во весь рост и опять захохотал из угла в угол. Было в его движениях что-то устрашающее, звериное. Будто он сейчас взмахнет руками, приподнимет потолок и откинет его в сторону, добывая таким образом свободу.

Но Крутов знал, что командир может держаться при самых необыкновенных ситуациях. Только лицо его выдавало. Оно становилось белым и холодным. Глаза суживались до предела.

— Нет вопросов? Готовимся сейчас же к выступлению. Крутов, задержись... Ты вот что, Сергей... В случае чего команду при-

мешь.

— Но, Ефим...
— Никаких «но». В бою всякое может быть. Так вот, знай, нас ждут в Гурьевске. Рабочие завода. Большие сотни человек. Навстречу должны выступить. Выиграем или проиграем бой, а туда добираться нужно. Это решение партийного комитета... Запомни пароль и адрес явки...

Крутов смотрел на командира и не подолжал, что видит его в последний раз. Нет, он его увидел еще раз, на рассвете, когда отряд ворвался в село. Огромный и ожесточенный, Соловьев, держа винтовку за ствол, размахивая ею, как оглоблей, отбивался от наседавших на него колчаковцев. Крутов только услышал:

— А, туды вашу мать... А, сволочи...

Приседая, он бил то одного, то другого из подбегавших врагов. И когда на снегу распласталось несколько человек, от него шархнулись, как от прокаженного.

Крутов поспешил на помощь командиру, но вражья пуля его опередила. Пуля попала в голову. Соловьев неестественно поднял над головой винтовку с расплещенным прикладом, уронил ее и опустился на одно колено, потом на другое и ткнулся иномком в снег. И в миг снег обгарился кровью.

По донесению разведки, колчаковцев было в селе не больше сотни, а тут их оказалось в три раза больше. Или ошиблись ребята, или пришло ночью подкрепление.

Отряд Соловьева потерял в этом бою почти всех партизан. Только небольшая горстка по главе с Крутовым Сергеем ушла в глубь тайги и в течение нескольких дней путала следы, ища укрытия...

А сейчас Крутов, помощник командира, остался один в хмурой и равнодушной тайге. Идти тяжело. Благо еще снег свежий, крупчато-подвижный, не сдерживает шаг. Но к ночи ударит мороз и снег затвердеет. С больной ногой шибко не расшагаешься. Ну что ж, идти не сможет — поползет. В город он обязательно должен попасть.

П. ШМАКОВ.

Продолжение следует.

// Ленинское знамя, 1968, 10 февраля, с. 4.